

А. АМИДЯН

ПРОЕКТ «ИСЛАМСКОГО ПАКТА» И АРАБСКИЙ ВОСТОК

С декабря 1965 года в политической жизни Арабского Востока большое место занимает борьба вокруг проекта так называемого «Исламского пакта», начало которой положило коммюнике о переговорах в Тегеране между шахом Ирана Мухаммедом Реза Пехлеви и королем Саудовской Аравии Файсалом, в котором оба монарха согласовали вопрос о необходимости «обеспечения общих интересов исламских государств, укрепления связей между ними и создания единого фронта для осуществления высших исламских целей»¹.

13 декабря 1965 года «Общество возрождения исламского мира» в Лахоре (Пакистан) выступило с заявлением, в котором «приветствовало встречу Файсала с шахом Ирана и их согласие превратить Мекку в столицу исламского мира»².

В Лахоре же другое панисламистское объединение — «Общество союза мусульман» 18 декабря 1965 года обратилось с призывом к «созданию исламского содружества, мирового исламского рынка, Международного исламского банка»³.

21 декабря 1965 года в Карачи (Пакистан) собрание шейхов «приветствовало предложение Файсала и шаха Ирана о созыве исламской конференции в верхах с целью осуществления исламской солидарности»⁴.

Касаясь переговоров премьер-министра Ирака Абдель Рахмана аль Баззая, прибывшего в Джидду (Саудовская Аравия) 31 декабря 1965 г. с официальным визитом, с королем Файсалом, английский журнал «Мидл ист экономик Дайджест» отмечал: «Возможно, эти переговоры — из серии переговоров, начатых королем Файсалом в последние недели после его визитов шаху Ирана и правителю Кувейта. Предполагают, что король Файсал заинтересован в осуществлении панисламистского единства вместе с Пакистаном и Ираном»⁵.

«Теперь уже нет сомнений в том, — писала ливанская газета «Аль-Джарида», — что речь идет о создании в этом районе нового пакта, будь то «исламский союз», «ось правых арабских стран» или же «восточный монархический фронт». Нельзя отрицать намерения Ирана, Саудовской Аравии, Иордании, Ливии, Марокко и, возможно, Туниса создать политический или, может быть, военный фронт этих стран при явном поощрении Соединенных Штатов и, пожалуй, Англии»⁶.

¹ Совместное коммюнике о переговорах шахиншаха с королем Файсалом, «Этгеллаат», Тегеран, 15 декабря 1965 г.

اعلاميه مشترك مذاكرات شاهنشاه — ملك فيصل، اطلاعات، ۱۵/۱۲/۱۹۶۵.

² «Пакт... не исламский», журнал «Руз аль-Юсуф», Каир, № 1969, 7 марта 1966 г., стр. 14.

الحلف... غير الاسلامي، روز البوسفي — العدد ۱۹۶۹ — ۷ (۳) ۱۹۶۶ — ص ۱۴

³ «Руз аль-Юсуф» (روز البوسفي)، № 19۶۹, стр. 14.

⁴ Там же.

⁵ «The Middle East Economic Digest», 7 января 1966 г.

⁶ «Аль-Джарида» (الجريدة)، Бейрут, 3 февраля 1966 г.

Каирский журнал «Руз аль-Юсуф» отмечает стремление привлечь в «Исламский пакт» также Афганистан, Ирак, Нигерию, Кувейт, Катар, Бахрейн, «Индонезию и Малайзию в ближайшем будущем»⁷.

Следует отметить, что предполагаемые участники, организаторы «Исламского пакта» пытаются прикрыть военно-политическую сущность пакта миролюбивыми намерениями и религиозными мотивами.

Так, например, шах Ирана, прибывший в Марокко для переговоров с королем Хасаном II, заявил 21 июня 1966 года, что исламская конференция, на которой должны встретиться «теологи и специалисты», может явиться «полезным стимулом» для прогресса исламского мира»⁸.

Король Саудовской Аравии Файсал «характеризует» примерно так же «отношения, которые связывают исламский мир крепче пактов и договоров»⁹.

Это означает, что «Исламский пакт» идет контрабандой, подобно тому, как оружие можно перевозить в ящиках под безобидным названием «мыло», с последующим превращением «мыла» в оружие на последнем этапе, ибо саудовская газета «Аль-Указ» не оставляет сомнения в отношении подлинных причин «исламских усилий» короля Файсала. «Саудовская ответственность на полуострове (Аравийский.—А. А.) повысилась тем более, что англичане начали терять здесь свои традиционные позиции (в результате национально-освободительной борьбы народов Южной Аравии, района Персидского залива.—А. А.). Не следовало бы отдавать этот район на милость арабских и иностранных марксистов. Роль нашей страны состоит в использовании ислама в качестве идеологического, дипломатического и политического орудия»¹⁰. (Подчеркнуто мной.—А. А.).

В отношении «арабских и иностранных марксистов» Гамаль Абдель Насер говорил так: «Это та же старая стратегия контрреволюции и неокOLONиализма под прикрытием борьбы с коммунистической угрозой. Только на этот раз ей придана псевдорелигиозная окраска»¹¹.

Насер характеризует основное назначение «Исламского пакта» в своем выступлении 22 февраля 1966 г. в Каирском университете: «Они нашли арабское название для Багдадского пакта, они напялили на него мусульманский тюрбан и назвали его «Исламским пактом», цель которого — уничтожить арабский национализм (подчеркнуто мной.—А. А.), который господствует в мыслях и чувствах арабских народов...»¹².

Итак, король Файсал обратился к панисламизму, и это, по мнению Насера, — с целью «уничтожения арабского национализма».

Для понимания смысла борьбы, развернувшейся на Арабском Востоке вокруг проекта «Исламского пакта», важно, прежде всего, знать взаимоотношения панисламизма и арабского национализма в теоретическом аспекте.

«У меня нет мнения об арабском единстве. Я не занимаюсь им. Я не из его сторонников и не из противников (подчеркнуто мной.—А. А.) ...Религия не различает араба от не араба и признает только исламскую нацию без различия между ее родами» — это

7 Ибрагим Иззет, Умер Центральный пакт — жив Исламский пакт, «Руз аль-Юсуф», № 1963, 24 января 1966 г., стр. 10.

ابراهيم عزت، مات الحلف المركزي عامي الحلف الاسلامي، روز اليوسف — العدد ١٩٦٣ — ١٩٦٦/١/٤٤ — ص ١٠

8 «Эттелаат» (اطلاعات), 22 июня 1966 г., стр. 10.

9 «Ан-Нахар» (النهار), (Бейрут), 1 февраля 1966 г.

10 «Аль-Указ», 8 февраля 1966 г. Цит. по: «Le Monde», 26—27 июня 1966 г.

11 Журн. «Blitz», Bombay, 7 мая 1966 г.

12 «Аль-Ахрам» (الاهرام), Каир, 23 февраля 1966 г.

мнение принадлежит шейху аль-Азхара (мусульманский университет в Каире) Мустафе Мараги¹³.

Сати аль-Хусари, один из теоретиков арабского национализма, отвечает шейху аль-Азхара: «Если религия не различает араба от не араба, разве оправдывает она различия между египтянином, сирийцем и иракцем? И если религия признает только исламскую нацию без различия между ее родами, разве не признает ли она в то же время только арабскую нацию без различия между ее народами?»¹⁴.

Это — обмен любезностями, в котором ни одна сторона не желает бросать перчатку, но между тем, когда шейх аль-Азхара говорит о том, что он «не сторонник и не противник» арабского единства — это означает, что 80 млн. арабов исламского исповедания тоже должны быть «ни сторонниками, ни противниками» арабского единства, т. е. должны быть по крайней мере равнодушны к нему. В таком случае, к кому же обратит свой призыв к арабскому единству арабский национализм? Очевидно, только к 2 миллионам арабов-христиан. Отсюда вытекает, что идея «единой исламской нации» не только не признает идеи «единой арабской нации», как это пытается представить Сати аль-Хусари, но и противоречит ей.

Далее. Основная масса теоретиков арабского национализма отказывается признавать ислам в качестве одного из принципов, элементов арабской нации. «Мы уважаем исламскую религию и уважаем также другие религии и мы верим, что арабская родина для всех мусульман, христиан и иудеев (арабов.—А. А.). Мы не можем отрицать существование важного немусульманского элемента в арабской нации, принявшего активное участие в призыве к арабскому национализму. И не будет преувеличением, если мы скажем, что арабы-христиане были одними из первых, кто призывал к арабскому национализму во множестве своих произведений, распространенных в арабском мире. Поэтому мы в нашем призыве к арабскому национализму не выделяем исламскую религию и не говорим, что она — основа для арабского единства»¹⁵.

Но суть вопроса заключается все-таки не в заслугах арабов-христиан, хотя и это имеет определенное значение в позиции арабского национализма к исламу.

Главное в арабском национализме — учение о «единой арабской нации», основным элементом которой теоретики арабского национализма, в частности Сати аль-Хусари, называют арабский язык¹⁶.

Арабский язык выбран не случайно, ибо он не относится к числу признаков, которые «не могут отличать арабов от других, подобно религии»¹⁷.

Если в арабский национализм ввести в качестве одного из его основных элементов ислам, как религию подавляющего большинства арабов, то только на первый взгляд кажется, что арабский национализм, арабское единство теряют всего около 2 млн. ара-

¹³ См. Абу Халдун Сати аль-Хусари, Что такое национализм?, Бейрут, 1959, стр. 203, 204.

أبو خالدون ساطع الحصري، ماهي القومية؟ بيروت، ١٩٥٩، ص ٢٠٣، ٢٠٤.

¹⁴ См. Абу Халдун Сати аль-Хусари, указ. произв., стр. 204.

¹⁵ Фатхи Ганим, Арабский национализм и религия, журн. «Руз аль-Юсуф», № 1661, 11 апреля 1960 г., стр. 3.

فتحى غانم، القومية العربية.. والدين!! روز اليوسف — العدد ١٦٦١ — ١٩٦٠/٤/١١ — ص ٣.

¹⁶ «Руз аль-Юсуф» (روز اليوسف), № 1555, 3 марта 1958 г., стр. 8; См. также Сати аль-Хусари, упомянутое произведение, стр. 75.

¹⁷ Ахмад Би ха эд-Дин, Арабский национализм и религия, журн. «Руз аль-Юсуф», № 1612, 4 мая 1959 г., стр. 3.

أحمد بهاء الدين، القومية العربية.. والدين روز اليوسف — العدد ١٦١٢ — ١٩٥٩/٥/٤ — ص ٢.

бов христианского исповедания, но зато объединяют около 80 млн. арабов-мусульман. В таком случае 2 млн. арабов, говорящих так же как 80 млн. арабов на арабском языке, отходят от арабского единства только из-за ислама, иными словами, религиозный принцип, лежащий в основе призыва панисламизма к «единой исламской нации», берет в арабском единстве верх над языковым принципом, лежащим в основе учения арабского национализма о «единой арабской нации» и ведет в конечном счете к растворению арабов в «единой исламской нации». Это в целом напоминает возвращение к эпохе средневековья, когда понятия «арабизм» («аль-уруба»), и «арабская цивилизация» мыслились, представлялись только категориями ислама, исламской культуры, выход за рамки которых означал «безбожие и ересь»¹⁸.

Таким образом, введение ислама в арабский национализм в период, когда арабы еще не объединились, означает, собственно, отказ от идеи «единой арабской нации». Это принципиальный вопрос, отступление от которого для арабского национализма «смерти подобно», что в целом помогает понять смысл борьбы вокруг проекта «Исламского пакта».

С другой стороны, призрак ислама появляется на политической арене Арабского Востока в периоды резких обострений межарабских отношений для спасения арабской реакции и империалистических пактов.

В феврале 1958 г. возникновение Объединенной Арабской Республики вызвало к жизни Ирако-Иорданскую (Хашимитскую) Федерацию в качестве противовеса.

Были выдвинуты также американский план объединения Магриба, английский план «Арабских Соединенных Штатов» на Аравийском полуострове, иракский план Фадыла Джемали арабских федераций по так называемому «географическому принципу». И, наконец, в марте 1958 года был выдвинут план «Исламской федерации», основная цель которого заключалась в «спасении Хашимитской федерации» включением Турции, Ирака и Иордании в «единый федеральный союз», в прикрытии империалистической сущности, укреплении Багдадского пакта¹⁹.

Выход Сирии из ОАР 28 сентября 1961 года вызвал новое обострение межарабских отношений и временный уход ОАР с заседаний Лиги арабских государств. Арабская печать в сентябре 1962 года сообщила о плане «Исламской лиги» или «Исламского союза» с включением в ее состав Турции, Ирака, Иордании, Сирии, Ирана, Саудовской Аравии и связывала с этим планом визиты вице-президента США Л. Джонсона в Иран и Пакистан и встречи короля Саудовской Аравии Сауда с иорданским королем Хусейном²⁰.

В декабре 1965 года король Файсал вновь обратился к идее панисламизма, и это — в период ухудшения отношений Саудовской Аравии с ОАР в результате продолжавшейся войны в Йемене. И так же, как раньше, «Исламский пакт» появляется для спасения империалистических пактов, на этот раз «Организации центрального договора»

¹⁸ Фатх и Ганим, Наш национализм и религия, «Руз аль-Юсуф», № 1666, 16 мая 1960 г., стр. 3.

فتحي غانم، قوميتنا و الأديان، روز اليوسف — العدد ١٦٦٦ — ١٦/٥/١٩٦٠ — ص ٣.

¹⁹ См. Ахмад Би ха эд-Д и и, Арабизм и ислам, «Руз аль-Юсуф» (روز اليوسف), № 1555, 31 марта 1958 г., стр. 8.

أحمد بهار الدين، العروبة و الإسلام، روز اليوسف — العدد ١٥٥٥ — ١٩٥٨/٣/٣١ — ص ٨.

²⁰ См. Махмуд Захи, 6 вопросов после нашего ухода из Лиги, «Руз аль-Юсуф», № 1786, 3 сентября 1962 г., стр. 4.

معهد فتنى، ٦ أسئلة بعد انسحابنا من الجامعة، روز اليوسف — العدد ١٧٨٦ — ١٩٦٢/٩/٣٠ — ص ٤.

(СЕНТО) — неудачного преемника развалившегося в 1958 г. Багдадского пакта, вот уже несколько лет парализованного противоречиями между его участниками²¹.

Нет ничего удивительного в том, что «Исламский пакт», создаваемый королем Файсалом, призван оживить и СЕНТО, ибо арабская реакция сотрудничала и продолжает сотрудничать с империализмом, отдав, во-первых, империалистическим монополиям на разграбление природные богатства народов Арабского Востока; представляя, во-вторых, до последних времен империалистическим державам военные базы, в частности авиационную базу Соединенным Штатам Америки в Дахране (Саудовская Аравия), которая с начала войны в Йемене вновь заполнилась американцами; в-третьих, выполняя в Ливии роль прямой агентуры империализма в борьбе с радикальными силами Арабского Востока на правах «форпоста борьбы», разумеется, с «арабскими и иностранными марксистами».

Вдохновителями и организаторами за кулисами этих исламских пактов были и остаются империалистические круги Соединенных Штатов Америки и Англии. Тунисский журнал «Жен Африк» 2 января 1966 года указал, что речь идет о возрождении доктрины Эйзенхауэра 1957 года и о реализации давнишних англо-американских планов создания фронта, который смог бы заменить Багдадский пакт и СЕНТО²².

В ответ на «исламские усилия» Саудовской Аравии и империалистических кругов, стоящих за ней, 26 января 1966 года по сведениям ливанской газеты «Ан-Нахар» руководство Сирийской Арабской республики обратилось к руководителям ОАР, Ирака, Йемена и Алжира с призывом собраться в Дамаске, чтобы обсудить вопрос о создании федерации этих пяти арабских государств «с целью противодействия планам создания исламского союза»²³.

14 февраля 1966 г. президент Ирака Абдель Салам Ареф заявил корреспондентам каирских газет: «Любая попытка создать исламский союз не будет успешной. Такой союз потерпит провал, подобно тому, как потерпел провал Багдадский пакт»²⁴.

В выступлении 22 февраля 1966 г. по случаю 8-й годовщины Дня египетско-сирийского единства президент ОАР Гамаль Абдель Насер, подробно охарактеризовав проект «Исламского пакта», сказал: «Мы выступаем против «Исламского пакта» и «исламской конференции» так же, как раньше мы выступали против Багдадского пакта, доктрины Эйзенхауэра и всех других реакционных империалистических маневров... арабские народы полны решимости продолжить свою борьбу до тех пор, пока «Исламский пакт» не постигнет та же участь, какая постигла Багдадский пакт»²⁵.

11 июня 1966 г. в Каире начались переговоры министров иностранных дел Сирии и Египта Ибрагима Махоса и Махмуда Риада.

В совместном коммюнике о переговорах, опубликованном в Каире 15 июня, говорилось: «Обе стороны изучили положение арабской родины, попытки империализма и реакции заключить арабскую волю в подозрительные пакты, которые отвергались арабами, и подтвердили, что «Исламский пакт» — новая, обреченная на неудачу, попытка империализма и реакции приостановить арабскую революционную волну»²⁶.

Арабская реакция во главе с Саудовской Аравией, которая объединилась с империализмом, встречает крепнущую солидарность арабских радикальных сил во главе с ОАР в осуществлении реакционного и империалистического плана «Исламского пакта».

²¹ См. «Руз аль-Юсуф», № 1963, 24 января 1965 г., стр. 10. (روز اليوسف)

²² «Jeune Afrique», Tunis, 2 января 1966 г.

²³ «Ан-Нахар» (النهار), Бейрут, 27 января 1966 г.

²⁴ «Аль-Ахрам» (الأحرار), 15 февраля 1966 г.

²⁵ «Аль-Ахрам» (الأحرار), 23 февраля 1966 г.

²⁶ Совместное заявление о переговорах Сирийской делегации в Каире, «Аль-Ахрам», 15 июня 1966 г.

بيان مشترك من محادثات الوفد السوري في القاهرة، الأهرام، ١٩٦٦/٦/١٥